

© 2011 г. *О.Б. Давыдов*

УДК 141

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В начале XXI в. социальная реальность находится в ситуации фундаментальных процессов фрагментации, деструкции и перестройки индивидуальных и коллективных идентичностей. Сложность и неоднозначность проблематики идентичности заключается в ее многосторонности, включающей фундаментальные теоретические моменты метафизического и онтологического плана, смыслообразующую роль в процессах объективации и конституирования познавательных возможностей, включенность в нарративную структуру культурного, социального и философского процесса. Немаловажный аспект рассмотрения идеологического контекста вопросов, попадающих в поле исследования, придает особую напряженность дискуссиям по поводу проблем идентификации, выявление границ, реальности которых составляет важную задачу исследования вопросов идентичности. Развитие индивидуалистического понимания идентичности повлекло за собой радикализацию принципа современности, теперь она может остаться собой, только становясь ультрасовременной. Мы усматриваем связь между таким видением времени и проблематикой идентичности, как она оформилась в индивидуализме, а именно как постоянно становящаяся, нестабильная и процессуальная. Эволюционистский дискурс утверждал, что по мере модернизации традиционных обществ нарастает тенденция растворения социальных отличий, как наследия прошлого, вместо этого перед нами совершенно иная перспектива. Глобализация инициирует новые фрагментации, в то время как она же гомогенизирует различные культуры, что снова и снова ставит вопросы идентичности.

В калейдоскопическом мире перетасовываемых ценностей, изменяющихся маршрутов и стратегий идентификации и расплывающихся рамок, свобода ма-

невра поднимается до ранга высшей ценности – метакценности, условия доступа ко всем остальным ценностям: прошлым, нынешним и даже тем, которые только еще появятся. Таковы условия транспарентного общества, совпадающего с самим собой вне всякой символической соотнесенности и конкретной хаотичности. «В рамках реалий глобализации классические упование на возможность единства сознания и самоидентичность личности следует признать утопичными. В условиях множественности культур стратегия личности не может состоять в том, чтобы стремиться к единству своего Эго и целостности своего бытия» [1, с. 81]. Фундаментальные вопросы идентичности человека, в современную эпоху обрели небывалую остроту. С тех пор как дифференцирование субъекта и объекта формирует структуру восприятия, неясность общества создает чувство беспокойства, потому что оно воспринимается человеком как хаотическое и бессмысленное. Это является причиной усиления идеологий, поскольку глобализация инициирует новые фрагментации общественной жизни, в то время как она же гомогенизирует различные культуры. Она же ставит вопрос идентичности и затем постоянно воспроизводит его. В течение прошлых двух столетий вопрос идентичности принимал различные формы, например, революции «самовыражения», которые устанавливали поиски подлинности. Понимание общества, в классической социальной мысли основывавшееся на принципах холизма, внутренней органической непротиворечивости, стало делиться на малосвязанные сегменты, разновекторные и разнодинамичные. Рост межцивилизационной конкуренции и взаимодетерминированности обществ, на которые распадается население планеты, вышел на новый уровень, задал соответствующее качество переосмысления рождающихся и отмирающих ценностей, социальной стратификации. Планета находится на пути к унификации; «ноосфера», о которой говорил Тейяр де Шарден, осуществляется благодаря единству информационных пространств и мгновенности коммуникаций. Как по этому поводу образно выразился З. Бауман: «Эпоха идентичности» полна шума и ярости» [2, с. 33].

Мы считаем, что одна из основных причин пересмотра фундаментальных социо-антропологических констант состоит в том, что индивид, разочаровавшись в потерпевших крах проектах усовершенствования социального, отбросив правила общественной жизни, все более замыкается в поиске своей идентичности. Это происходит двумя способами: либо посредством своей изоля-

ции от общества, либо путем создания маленьких групп, обладающих собственным сознанием и способами его выражения. Вопросы идентичности ставятся также и на социальном и национальном уровнях. Реэвалоризация рабочей силы, первоначально поддержанная буржуазией как реакция на незаинтересованное и поэтому «непроизводительное» благородство, обеспечила первый шаг к деконструкции традиционной идентичности. В пределах индустриализированного разделения рабочая сила создает желание признания, базирующегося на факте, что каждый имеет работу, и на чувстве гордости, которая представляет собой реакцию на незаинтересованное и поэтому «непроизводительное» благородство, она обеспечила первую замену идентичности. Разделение социального и национального уровней также преобразовало социальный класс в эквивалент коллективной идентичности. В XIX столетии, классовая борьба долго играла недооцениваемую роль в конституировании идентичности. Принадлежность к определенному классу представляет собой статус – идентичность субъекта, установленную институционально, таким образом, классы создают их собственную определенную культуру. Классовая борьба позволяет новым идентичностям кристаллизоваться, потому что класс не только определен социально-экономической деятельностью, но является также и антропологическим референтом в природе общества. Как писал Ж. Бодрийяр: «Классы признают спорную и диалектическую природу различий между группами в пределах общественной жизни» [3, с. 121].

Глобализация всеобъемлющих социальных изменений, свойственная позднему модерну, превращает социальное бытие в череду бесконечных кризисов, таких ситуаций, где те или иные действия, используемые для реализации жизненно важных целей, оказываются неадекватными. Кризисы становятся нормой социальной жизни, но не могут стать обыденным ее элементом. Возникает общий климат неопределенности, влияющий на социальную и индивидуальную идентичность. «Можно сказать, что герменевтический цикл стабильной идентичности взломан и превращен в спираль, центр которой всюду, а окружность нигде – спираль, устремленную в бесконечность» [4, с. 116]. С одной стороны, общественные отношения воспроизводятся деятельностью людей, реализующих исторически сложившуюся культурную программу, а с другой – этими отношениями, их деятельностным характером стимулируется потребность в самоидентификации, которая нуждается в кон-

кретном раскрытии на примерах локальных стран и цивилизаций. Для жизни современного индивида характерно отсутствие или размывание социальной группы идентификации, когда формы социальной жизни отличаются огромным разнообразием и высокой социальной мобильностью. Безотносительно к классовой борьбе, политика также позволяет людям развивать идентичность, но уже как гражданам. В начале эпохи модерна, политические идентичности создали новые определенные культуры в пределах определенной социологической группы. Учреждение универсального избирательного права, явилось ответом на поиски идентичности: «Голосование есть не что иное, как власть дать вес той идентичности, которую каждый представляет» [2, с. 46]. Мы считаем важным тот факт, что политические конфликты и борьба связаны с идентичностью, так как они конституируют идентичности социальных действующих лиц, для того чтобы проверить их в общественной сфере. Идентичность класса, как и политическая и идеологическая идентичность, являются только секторными идентичностями, конкурирующими друг с другом. Более содержательные коллективные идентичности, такие как национальные идентичности, развиваются над ними.

В XIX столетии, эта потребность в «воплощении» вдохновила национальные движения и все современные формы национализма, основанные на той идее, что политическое и национальное единство имеют которые одни и те же истоки. Таким образом, национализм являет собой типичное порождение модерна. Но это не только политическое явление, но и питаемая воображением сфера, где присутствует история, культура, религия, народное мифология. А. Рено писал, что «исторически, каждый человек солидаризируется непосредственно с определенными ценностями и моделями. Когда эти ценности и модели терпят крах, идентичности находятся под угрозой распада» [5, с. 54]. Ценности и модели играют важную роль как поставщики идентичности, также, как и «великие нарративы» времен «дисциплинарных обществ», о которых писал М. Фуко [6, с. 241]. Классическое различие между «гражданскими нациями» и «этническими нациями» или между «политическими нациями» и «культурными нациями» [7, с. 28] является в этом отношении довольно искусственным по двум причинам: во-первых, потому что национальные общества смешивают оба принципа, изменяя пропорции, и во-вторых, потому что государство включает в себя множество национальностей. «Во времена мо-

нархии, французы хотели быть духовными наследниками франков и галлов. После французской революции, поскольку нация определяла себя просто в политических рамках, игнорируя все предполитические аспекты, которые предшествовали гражданскому договору, те фундаментальные верования идентичности перестали быть сильны» [8, с. 39].

В ходе процессов секуляризации, государства давали компенсацию церкви за ослабленные религиозные верования и даже иногда создавали новую светскую религию. Национализм мог бы быть основан на политическом идеале государства и гражданства, однако было бы ошибкой полагать, что политические ценности достаточны, чтобы создать коллективную идентичность и, особенно, что они были бы достаточны, чтобы убедить членов этих обществ нести жертвы. Такие требования могут быть сформулированы, только если отношения между гражданами восприняты как стремление к благу на основе идентификации к историческому сообществу, которое непосредственно основано на определенных ценностях, традициях и «великих нарративах». Проблематизация коллективной идентичности выразилась и в том, что отныне никто не может быть назван аутентично национальным, поиск исторических корней национальной идентичности всегда осложнен позднейшими интерпретациями. Как отмечал И. Гофман: «Если современные греки, итальянцы, индусы, копты или китайцы искренне верят этому, они принадлежат тому же самому этническому сообществу как их самые древние предки, и никто не может убедить их думать иначе» [9, с. 192].

Чем более глобализация разворачивается в планетарном масштабе, тем более развивается диалектика ее главного противоречия. Одностороннее навязывание ею повсюду унифицированного образа жизни провоцирует появление движений сопротивления идентитарного типа. Чем более глобализация актуализирует унификацию, тем более она увеличивает потенциал фрагментации, чем более она актуализирует глобальное, тем более она повышает потенциал локального. В разных концах планеты общества, наиболее подверженные угрозе глобализации, стараются утвердить свой партикуляризм, вернуть свою идентичность. Существуют попытки искусственно создать идентичность из обломков былого, что, к примеру, отчетливо прослеживается в современной России. Зачастую, под воздействием фрустрации, не исключаются и насильственные методы различения своего и иного, доходя-

щие до насилия и ксенофобии. С одной стороны, человечество идет по пути униформизации, прогрессирующей гомогенизации под влиянием глобализации торговли и массовых коммуникаций. С другой, повсюду нарастают «идентитарные судороги» [3, с. 41], агрессивные формы этнического или религиозного самовыражения, порождающие гражданские войны и межэтнические конфликты. Диалектичность ситуации в том, что глобализация одновременно разрушает и порождает коллективные идентичности, но порожденные ею коллективные формы отличаются от традиционных. Они обладают сетевой структурой, чужды иерархии и предоставляют широкие возможности конструирования новой, постсовременной социальной реальности.

Таким образом, гиперактивная плюрализация идентичностей, крах метанарративов, онтологических и аксиологических оснований субстанциальности в теоретической сфере и, как следствие этого – социальная аномия и перманентное состояние кризиса характеризуют современную сложную и многообразную форму существования социальности и индивидуальности. С другой стороны, имеет место процесс фрагментации идентичностей и формирования релятивистской идеологии, сопровождающей эту фрагментацию. Поиск новых подходов к определению идентичности, дифференциация индивидуального и социального в их неразрывности, творческое переосмысление классических идентификационных практик представляются важнейшими задачами, которые имеют жизненную важность для глобализующегося мира, и которые предстоит решать философской мысли современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соколов В.Н., Ячин С.Е.* Состояние Мета ...и Метакультурное сообщество // http://www.situation.ru/app/j_art_1197.htm
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
4. *Подорога В.А.* Апология политического. М., 2010.
5. *Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности. СПб., 2002.
6. *Фуко М.* Археология знания. К., 1996.

7. *Теннис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии СПб., 2002.
8. *Стыкалин А.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.
9. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.

*Дальневосточный государственный
университет путей сообщения*

21 августа 2011 г.
